

Попытка интерпретации философии Парменида

В статье делается попытка интерпретации философии Парменида на основе заново переведенных автором статьи фрагментов поэмы элейского философа с древнегреческого языка. Парменид в своей поэме делает вывод о существовании только неизменного единого, поскольку многое и движение считает немислимыми. Однако разве сам Парменид не мыслит многое? Считая, что многое не является мыслимым, он написал целую поэму. Кроме того, остается неясным, зачем Парменид излагает мнения смертных, когда уже была дана истина. В данной статье делается попытка такой интерпретации Парменида, при которой данные затруднения могут быть разрешены. Согласно этой интерпретации, под «Истиной» богиня Δίκη (Правда) понимает не некоторое истинное описание действительности, а саму действительность. «Мнения смертных» – это мнения не в том смысле, что это недостоверное, неполное или неистинное знание, а в том смысле, что это знание о действительности, а не сама действительность. Но что значит «сама действительность»? Сама действительность не может быть в прошлом и не может быть в будущем, поскольку всегда есть как настоящее. Но и выделение этого настоящего (что является началом знаменитого тезиса Парменида «бытие есть...») возможно, только если предполагать, что есть прошлое и будущее, однако прошлого и будущего – нет (это вторая часть его тезиса «...небытия нет»).

Ключевые слова: сущее; не-сущее; возможное; невозможное; единое; многое; движение; истина; мнение; Парменид; Платон; Аристотель.

Первая строка первого фрагмента поэмы Парменида звучит так: «Ἴπλοι ταί με φέρουσι, ὅσον τ' ἐπὶ θυμὸς ἰκάνοι» [4] – «Кобылицы несут меня туда, куда только могла бы достигнуть воля». Речь в поэме пойдет о том, что вообще достижимо. Как понимается это «достижимое» в поэме? Говорится ли здесь о достижимом как о логически возможном, или здесь предполагается иной смысл? Это еще предстоит выяснить.

В конце пролога поэмы Парменида встречается богиня Δίκη. Она говорит ему: «Χρεὼν δέ σε πάντα πυθέσθαι / ἡμὲν Ἀληθείης εὐκυκλέος ἀτρεμέος ἤτορ/ ἡδὲ βροτῶν δόξας, ταῖς οὐκ ἔνι πίστις ἀληθείης. Ἀλλ' ἔμπης καὶ ταῦτα μαθήσεαι» [Там же] – «Необходимо тебе все разузнать: и совершенно круглой (круговой, движущейся по кругу) Истины бездрожное (бестрепетное) сердце и мнения смертных, в которых нет истинного убеждения, но, тем не менее, и их ты узнаешь». Как здесь понимается Истина и как – мнения? Зачем узнавать чьи-то мнения после того, как уже открыта истина?

Далее Δίκη говорит о двух путях изыскания:

1) «ἢ μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὡς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι» [Там же] – «[первый] – “есть” и невозможно “не быть”»;

2) «ἢ δ' ὡς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὡς χρεὼν ἔστι μὴ εἶναι» [Там же] – «[второй] – “не есть” и “не быть” – это неизбежность». «Χρεὼν» можно также перевести как «рок», «судьба».

О втором пути Δίκη говорит: «τὴν δὴ τοι φράζω παναλευθέα ἔμμεν ἀταρπὸν» [Там же] – «Я говорю, что эта тропа будет совершенно безвестна». Почему она будет совершенно безвестна? Δίκη объясняет: «οὔτε γὰρ ἂν γνοίης τό γε μὴ ἔδον – οὐ γὰρ ἀνυστόν – οὔτε φράσαις» [Там же] – «Ты бы и не познал не-сущее, ибо неис-

*Максим Александрович Гусев, магистр философии.
E-mail: chapka@1724yandex.ru

полнимо – и не произнес». «... τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστὶν τε καὶ εἶναι» – «Ибо одно и то же мыслить и быть».

Здесь мы снова сталкиваемся с идеей исполнимости, возможности, достижимости. «Не быть» – невозможно. Это невозможно, поскольку не-сущее немислимо.

Так остается только один путь – «есть». «ταύτη δ' ἐπὶ σήματ' ἔασι πολλὰ μάλ'...» [4] – «на этом [пути] есть очень много знаков». Какие же это знаки? «ὡς ἀγένητον ἐὸν καὶ ἀνώλεθρόν ἐστιν, /ἔστι γὰρ οὐλομελές τε καὶ ἀτρεμές ἢ δ' ἀτέλεστον» [Там же] – «что сущее есть невозникшее и негибнувшее (непреходящее), целое (без порока, неповрежденное), бестрепетное и не-незаконченное. οὐδέ ποτ' ἦν οὐδ' ἔσται, ἐπεὶ νῦν ἔστιν ὁμοῦ πάν, /ἔν, συνεχές...» [Там же] – «и не некогда было и не будет, так как сейчас есть все одновременное, единое, непрерывное». Как осуществляется переход от возможности только пути «есть» и невозможности пути «не есть» к тому, что сущее может быть только единым, неделимым и неподвижным?

Одну из версий перехода Парменида от тезиса «не-сущего нет» к тезису «существует только единое» мы находим у Платона. В диалоге «Софист» Чужеземец из Элеи говорит о не-сущем по-разному. Во-первых – говоря о том, что что-то не существует. Например, «Теэтет не есть». Чужеземец из Элеи говорит следующее: «Каким образом утверждающий, что вполне возможно говорить или думать ложное, высказав это, не впадает в противоречие, постигнуть, дорогой Теэтет, во всех отношениях трудно». Теэтет: «Как так?» Чужеземец: «Это смелое утверждение: оно предполагало бы существование небытия; ведь в противном случае и самая ложь была бы невозможна. Великий Парменид, мой мальчик, впервые, когда мы еще были детьми, высказал это и до самого конца не переставал свидетельствовать о том же, постоянно говоря прозою или стихами» [3, с. 301]. Далее цитируется строка из поэмы Парменида: «Οὐ γὰρ μήποτε τοῦτο δαμῆ εἶναι μὴ ἐόντα /ἀλλὰ σὺ τῆσδ' ἄφ' ὁδοῦ διζήσιος εἶργε νόημα» [4] – «Ибо никогда не вынудить того, что не-сущее есть, но ты от этого пути исследования удержи мысль».

Невозможность не быть интерпретируется здесь так, что мы можем впасть в противоречие, если утверждаем, что нечто не есть, поскольку, прежде чем отрицать существование чего-то, мы это что-то полагаем и, таким образом, говорим, что есть нечто несуществующее. С другой стороны, мы попадаем в такое же противоречие и отрицая существование небытия, ведь, говоря «небытия нет», мы все же говорим о небытии: «Чужеземец: «Понимаешь ли ты теперь, что небытие само по себе ни произнести правильно невозможно, ни выразить его, ни мыслить и что оно непостижимо, необъяснимо, невыразимо и лишено смысла?» Теэтет: «Конечно». Чужеземец: «Значит, я ошибся, когда утверждал недавно, что укажу на величайшее затруднение относительно него? Ведь мы можем указать другое, еще большее». Теэтет: «Какое именно?» Чужеземец: «Как же, чудак! Или ты не замечаешь из сказанного, что и того, кто возражает против него, небытие приводит в такое затруднение, что, кто лишь примется его опровергать, бывает вынужден сам себе здесь противоречить?»» [Там же, с. 303–304].

Во-вторых, небытие высказывается тогда, когда говорится, что что-то не есть что-то другое. Например: «Теэтет не есть Сократ». По Платону, Парменид отрицал возможность существования не-сущего в обоих смыслах. Поскольку ни о чем нельзя сказать, что оно не есть что-то, то остается только одно.

Посмотрим, как Платон опровергает «элейский тезис»: «Чужеземец: «...не должно ли у тех, кто считает всё единым, вывести по возможности, что называют они бытием?» Теэтет: «Конечно». Чужеземец: «Пусть они ответят на следующее: “Вы утверждаете, что существует только единое?” “Конечно, утверждаем”, – скажут они. Не так ли?» Теэтет: «Да». Чужеземец: «Дальше. Называете ли вы что-нибудь бытием?» Теэтет: «Да». Чужеземец: «То же ли самое, что вы называете

единым, пользуясь для одного и того же двумя именами? Или как?» Теэтет: «Что же они ответят после этого, чужеземец?» Чужеземец: «Ясно, Теэтет, что для того, кто выдвигает такое предположение, не очень-то легко ответить как на этот, так и на любой другой, вопрос». Теэтет: «Как так?» Чужеземец: «Допускать два наименования, когда считают, что не существует ничего, кроме единого, конечно, смешно». Теэтет: «Как не смешно!» Чужеземец: «Да и вообще согласиться сговорящим, что имя есть что-то, не имело бы смысла». Теэтет: «Отчего?» Чужеземец: «Кто допускает имя, отличное от вещи, тот говорит, конечно, о двойственном». Теэтет: «Да». Чужеземец: «И действительно, если он принимает имя вещи за то же, что есть она сама, он либо будет вынужден произнести имя ничего, либо если он назовет имя как имя чего-то, то получится только имя имени, а не чего-либо другого» [3, с. 311]. Интересно, что Чужеземец из Элеи даже не предполагает такого варианта, что само имя не есть что-то сущее. Имя и мысль понимаются не просто как имя чего-то или мысль о чем-то, но как сущее, которое присутствует здесь и сейчас и чье существование удостоверяется просто тем, что оно здесь есть. Невозможность истинности тезиса «существует только единое» имеет место для Платона потому, что существование единого – это уже два, а не одно: бытие и единое.

В самом начале диалога Платона «Парменид» совсем еще юный Сократ уже иронизирует над сорокалетним Зеноном, написавшим сочинение, отрицающее существование многого: «И *каждое* (здесь и далее курсив мой. – М. Г.) из своих рассуждений ты считаешь доказательством этого, так что *сколько* ты написал рассуждений, *столько*, по-твоему, представляешь и доказательств того, что многое не существует? <...> – Я замечаю, Парменид, – сказал Сократ, – что наш Зенон хочет быть близок тебе во всем, даже в сочинениях. В самом деле, он написал *примерно то же*, что и ты, но с помощью переделок старается ввести нас в заблуждение, будто он говорит *что-то другое*: ты в своей поэме утверждаешь, что все есть единое, и представляешь прекрасные доказательства этого; он же *отрицает* существование многого и тоже приводит *многочисленные* и веские доказательства. Но то, что вы говорите, оказывается выше разума остальных: действительно, *один* из вас утверждает существование единого, *другой отрицает* существование многого, но *каждый* рассуждает так, что кажется, будто он сказал *совсем не то*, что другой, между тем как оба вы говорите *почти что одно и то же*» [2, с. 347–348].

Таким образом, для Платона многое мыслимо и потому существует. А вот тезис «существует только единое» становится невозможным.

Однако вернемся к Пармениду. Богиня Δίκη говорит: «ή μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὡς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι<...> ἢ δ' ὡς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὡς χρεῶν ἔστι μὴ εἶναι/τὴν δὴ τοι φράζω παναπευθέα ἔμμεν ἀταρπὸν/οὔτε γὰρ ἄν γνοίης τό γε μὴ εἶναι– οὐ γὰρ ἀνυστόν–/οὔτε φράσαις» [4] – «[первый путь] – “есть” и невозможно “не быть” [второй путь] – “не есть” и “не быть” – это неизбежность. Я говорю, что эта тропа будет совершенно безвестна, ибо и не познал бы ты не-сущее – не исполнимо – и не произнес». И из этого делается вывод, что многого не существует. Это можно представить как силлогизм с пропущенной посылкой: «Немыслимое – не существует. (Пропущенная посылка.) Следовательно, многого, движения, прошлого и будущего не существует». Пропущенная посылка: «многого, движение, прошлое и будущее – немислимо». Но почему же это немислимо? Разве сам Парменид не мыслит многого? Кажется, что эта мысль несовместима уже с самим фактом написания поэмы. Неужели Парменид этого не заметил? Остается непонятным, почему Парменид возражал против мыслимости многого, его мысль кажется неестественной, странной.

Многое, прошлое и будущее, изменение мыслить можно, как кажется. Но Δίκη настаивает на том, что все это нельзя мыслить, а значит, этого просто не может быть. Почему она на этом настаивает? Сначала я могу мыслить одно, затем другое. И первое, и второе является чем-то определенным, тем, что можно и помыслить и высказать. Но Δίκη почему-то настаивает, что невозможно помыслить многое, а значит, это многое просто не может существовать. Нам необходимо понять, что означает здесь это «помыслить». Мыслит, например, ученый, выстраивающий теорию. И у него не возникает проблем с тем, чтобы помыслить разные вещи; помыслить то, что было в прошлом, и то, что будет в будущем. Почему же у Парменида должны возникать такого рода сложности? Потому, что Парменид здесь не описывает бытие, он не дает некоторую картину действительности. Когда Δίκη говорит Пармениду, что он должен узнать и Истину, и мнения смертных, то под Истиной понимается не какое-то описание действительности, о котором мы говорим, что оно истинное, но сама действительность. Не знание о действительности, а сама действительность. Но что может быть «самой действительностью»? Мы, сегодняшние, исходя из здравого смысла, склонны считать таковой свой опыт от первого лица, который имеет место здесь и сейчас. Кажется, что это и информация о действительности, и сама непосредственная действительность. Но Парменид говорит не об опыте от первого лица и не о своем бытии, а вообще о бытии.

Итак, сущее – мыслимое. Парменид не может мыслить прошлое, потому что в противном случае нужно было бы находиться в прошлом, он не может мыслить будущее – нужно было бы находиться в будущем. Нам кажется, что мыслимое здесь сужается до точки «теперь». Эта точка «теперь» единственно существующая. Но мыслить это, замечать это «теперь», т. е. сущее, можно, только отличив его от прошлого и будущего, т. е. не-сущего. Распознавать это сущее так, как если бы не-сущее в каком-то смысле было. Но в том-то и дело, что не-сущего – нет, поскольку оно на самом деле немислимое (моя мысль на самом деле никогда не имеется ни в прошлом, ни в будущем). Распознать то, что «сущее есть» можно, только если есть иллюзия существования не-сущего. Распознавание этого сущего – это мысль о сущем, которая возможна благодаря иллюзии не-сущего. Но смысл посыла богини Δίκη в том, что не-сущего – нет. А если не-сущего нет, и сущее невозможно отличить ни от чего, то бессмысленно говорить и о «настоящем». Если не-сущего нет, то бессмысленно мыслить «о» сущем. Поэтому Δίκη говорит: «... τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστὶν τε καὶ εἶναι» [4] – «...одно и то же – мыслить и быть». Это уже не мысль «о» чем-то. «О» сущем нельзя мыслить. Но если здесь не должно быть мысли «о», то не должно быть и перспективы первого лица. Богиня Δίκη говорит: «Ταὐτὸν δ' ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὐνεκεν ἔστι νόημα» [Там же] – «То же самое есть мышление и то, в отношении чего мысль». Мысль, направленная на нечто, выделяет это нечто, это нечто отдельное и определенное, т. е. отличное от иного. Предмет мысли всегда от чего-то отличен. Но сама действительность ни от чего не отлична, поскольку кроме нее ничего нет.

Следующий фрагмент после «... τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστὶν τε καὶ εἶναι» звучит так: «Λεῖσσε δ' ὁμῶς ἀπεόντα νόφ παρεόντα βεβαίως/οὐ γὰρ ἀποτμήξει τὸ ἐὸν τοῦ ἐόντος ἔχσθαι/οὔτε σκιδνάμενον πάντῃ πάντως κατὰ κόσμον/οὔτε συνιστάμενον» [Там же]. Первую строку можно перевести так: «Смотри же, однако, умом на отсутствующее как на достоверно присутствующее». Имея перед собой нечто, мы распознаем это нечто, поскольку оно отлично от иного, но действительность ни от чего не отлична, поэтому «отсутствующего» (иного) нет, есть только присутствующее. Следующая строка буквально переводится так: «οὐ γὰρ ἀποτμήξει τὸ ἐὸν τοῦ ἐόντος ἔχσθαι» [Там же] – «ибо не отделяет [ум] сущее от сущего примыкать». Имея перед собой определенное нечто, мы считаем, что ум, направленный на это нечто, отделяет его от другого тем, что распознает его как определенное и предполагает,

что могло бы быть иное. Но в действительности ум не отделяет сущее от сущего, поскольку по отношению к сущему нет ничего иного. Ум не отделяет сущее от сущего: «οὐτε σκιδνάμενον πάντῃ πάντως κατὰ κόσμον/οὐτε συνιστάμενον» [4] – «и не [как] рассеянное всюду всячески по космосу, и не [как] объединенное». Последняя строка, на мой взгляд, является свидетельством в пользу того, что Парменид понимал под единым не просто нечто объединенное, но имеющее части, но как просто одно, которое единственно существует.

При такой интерпретации Парменида становится понятным, почему нет изменения (движения). Ведь что такое изменение? Переход из одного состояния в другое. Но для того, чтобы этот переход имел место, необходимо, чтобы имело место и то, что сейчас есть, и то, что было. Но действительно имеет место только то, что сейчас есть. Того, что не-сейчас, просто нет, вообще нет: «Πῶς δ' ἂν ἔπειτα πέλοιτὸ ἕόν; πῶς δ' ἂν κε γένοιτο; /εἰ γὰρ ἔγενετ', οὐκ ἔστι, οὐδ' εἴ ποτε μέλλει ἕσεσθαι» [Там же] – «Как же может быть¹ потом сущее? Как прошло бы? Если прошло, то не есть, и не [есть] если будет».

Противоречит ли это нашей картине мира? Нет, поскольку здесь вообще не идет речь о картине мира (истинной или ложной). Это не то, «как есть на самом деле», а само это «самое дело». Говорить при этом, что сама действительность – нечто непознаваемое, нечто такое, что недоступно ограниченному человеческому уму, значит не понимать разницы между самой действительностью и знанием о ней. Действительность непознаваема не потому, что она нечто таинственное и необычное, а потому, что в ней нечего познавать, там просто нет ничего такого, в отношении чего можно было бы поставить вопрос о познании этого.

Выше было изложено то, что говорит Пармениду бессмертная богиня. Затем она приступает к изложению мнений смертных. Несмотря на то что о мнениях здесь говорится во множественном числе, излагается единая картина мира. Богиня Δίκη говорит Пармениду: «Τόν σοι ἐγὼ διάκοσμον εἰκότα πάντα φητίζω, /ὥς οὐ μὴ ποτέ τίς σε βροτῶν γνώμη παρελάσσει» [Там же]. – «Я говорю тебе [нечто] совершенно подобное истине о мироустройстве, чтобы какое-либо изречение смертных тебя не запутало». Это говорится так, как будто сейчас речь пойдет хотя и не об Истине, но о каком-то верном знании о действительности.

Интересно, что Аристотель в одном месте «Метафизики» пишет о мнениях смертных в поэме Парменида так, как будто это позиция самого Парменида: «Полагая, что наряду с сущим вообще нет никакого не-сущего, он считает, что с необходимостью существует [только] одно, а именно сущее, и больше ничего <...> Однако, будучи вынужден сообразоваться с явлениями и признавая, что единое существует как мысленное, а множественность – как чувственно воспринимаемое, он затем устанавливает две причины, или два начала, – теплое и холодное, словно говорит об огне и земле; а из этих двух он к сущему относит теплое, а другое начало – к не-сущему» [1, с. 77–78]. В другом месте Аристотель вообще ставит Парменида в один ряд с теми, кто «разумение ... отождествляют с чувственным восприятием», что может вызвать крайнее изумление у читателей Стагирита: «А вообще же из-за того, что разумение они отождествляют с чувственным восприятием, а это последнее считают неким изменением, им приходится объявлять истинным все, что является чувствам. На этом основании прониклись подобного рода взглядами и Эмпедокл, и Демокрит, и чуть ли не каждый из остальных философов. В самом деле, и Эмпедокл утверждает, что с изменением нашего состояния меняется и наше разумение <...> И Парменид высказывается таким же образом: “Как у каждого соединились весьма гибкие члены, / так и ум

¹ Интересно, что глагол «πέλομαι» переводится еще и как «двигаться».

будет у человека: Одно ведь и то же мыслит в людях – во всех и в каждом – / То членов природа, ибо мысль – это то, чего имеется больше”» [1, с. 136].

И действительно, «мнения смертных» вовсе не выглядят как перечисление мифов о мироздании. Это некая цельная картина мира. «Мнения смертных» – это знание смертных о мире, и Парменид, вполне возможно, считает это знание верным. Это «мнения» не в том смысле, что они неверны или неполны (иначе зачем их излагать, после того как уже дана истина), это «мнения» в том смысле, что это знание о действительности, а не действительность.

Смертные существуют так, как будто знание о действительности – это действительность. И тогда есть и иллюзия не-сущего как иного по отношению к тому, что сейчас есть. Смертные могут забывать об этой точке «теперь», но пока они существуют так, как если бы их мысль была направлена на нечто (определенное, отдельное), они будут иметь фоном это «теперь». Смертные – это те, кто умирает. Но что значит умереть? Деревья, которые падают и сгнивают, камни, которые разрушаются, насекомые, которые перестают двигаться и тоже истлевают, – всё это меняет свою форму. Человек, умирая, тоже меняет свою форму. Но о нем мы говорим, что он умирает. Смертный в той или иной степени осознает момент настоящего времени. Но смерть – это конец такого осознания. Степень осознания настоящего момента у смертного может быть различной. Большинство смертных почти забывает о том, что «сущее есть», полное забывание этого лишило бы их смертности и сделало бы такими же бессмертными, как деревья, камни, насекомые. Когда же смертный, подобно Пармениду, направляет свое внимание прямо на момент настоящего времени, он в наибольшей степени имеет иллюзию отделенности от сущего в направленности на него мыслью, но только в таком положении он и может заметить, что «сущее есть».

Литература

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. – М., Мысль, 1976.
2. Платон. Парменид // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. – Т. 2 / общ.ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи ; пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1993. – 528 с. – (Филос. наследие).
3. Платон. Софист // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. – Т. 2 / общ.ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи ; пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1993. – 528 с. – (Филос. наследие).
4. Παρμενίδης. Περὶ φύσεως. [Electronic resource]. – URL: <http://www.theancientwebgreece.wordpress.com> (дата обращения: 15.10.2016).

Maxim Alexandrovich Goosev,
Master of Philosophy

An Attempt of Interpretation of Parmenides' Philosophy

The article analyzes the philosophy of Parmenides basing on a new translation of fragments of the Eleatic Philosopher's poem by the author of this article. Parmenides concludes that only the unchanged exists, because he suggests plurality and motion to be unthinkable. But doesn't Parmenides himself think of plurality? How could he write a poem believing that plurality and motion are unthinkable? Furthermore, it remains unclear why Parmenides says about the opinions of the mortals after the truth was already given. The article gives the interpretation of Parmenides' philosophy, which resolves these difficulties. Goddess Δίκη (Justice) uses a concept of Truth for designation of reality, but not for designation of knowledge about reality. «The opinions of the mortals» are opinions not because they are unreliable, incomplete, or untruthful knowledge but because they are the knowledge about reality but not «reality» itself.

But what is «the reality itself»? The reality cannot exist in the past; it cannot be in the future, because there is the present. But we can notice the present (it is the first part of the Parmenides' thesis: «being exists...») if we assume the existence of the past and the future, but past and future do not exist (it's the second part of the Parmenides' thesis: «...non-being doesn't exist»).

Key words: being; non-being; possible; impossible; the one; plurality; motion; truth; opinion; Parmenides; Plato; Aristotle.